

Глава 1

Основные участники дискуссии об авторском праве

В этой главе:

- Различные группы, связанные с интеллектуальной собственностью (ИС), а также разработка и внедрение законов об ИС.
- Почему владение копирайтом и получение прибыли приводят к искаженному взгляду на принципы действия авторского права.
- По какой причине цифровое пиратство вызывает полярные мнения и ожесточенные споры.

Для понимания современной культуры авторского права необходимо знать основных участников процесса. В целом они делятся на «копирайт-богатых», «копирайт-бедных» и «копирайт-невежд». Конечно, эти группы разнятся по численности и важности, но такое деление отражает основные отличия в их осведомленности и возможных рычагах воздействия. Немногие в Голливуде или других организациях,

основанных на принципах интеллектуальной собственности, соглашались предоставить «копирайт-бедным» вожденную свободу. Аналогичным образом, от тех, кто творит на основе произведений, защищенных авторским правом, нелогично требовать бесконечного срока копирайта или расширения сферы действия патентов. В самой многочисленной группе — «копирайт-невежды» — категоричные мнения должны встречаться реже, поскольку вопрос напрямую не касается их персональных доходов или плодов творчества.

Тем не менее неопровержимые факты редко приводят к единому твердому мнению. Как известно, многие люди, воспитанные западной культурой, придерживаются диаметрально противоположных взглядов на стволовые клетки и браки среди геев. В такой же степени законы об авторском праве и цифровое пиратство провоцируют полярные и часто некомпетентные мнения. В конце концов, поскольку обыватели не разбираются в научных исследованиях стволовых клеток, они действуют по хорошо знакомому принципу — достаточно выбрать одну политическую партию, чтобы заполучить миллионы сторонников. У пиратства есть как ярые противники, так и рьяные сторонники, несмотря на слабые познания оппонентов в области законов — ныне действующих или упраздненных.

Многие «копирайт-невежды» придерживаются непримиримых взглядов на законы об авторском праве, чаще всего консервативных. Вполне вероятно, что это результат деятельности по промыванию мозгов, предпринятой «копирайт-богатыми». Кроме того, «невеждам» может не хватать знаний о сущности копирайта. Страх побеждает здравый смысл и ведет к возникновению ошибочных, но твердых убеждений. Именно с этой группы — «копирайт-невежды» — мы и начнем.

«Копирайт-невежды»

В наше время притворяться, будто ты никогда не нарушаешь авторских прав, — все равно что в викторианскую эпоху делать вид, что никогда не занимаешься мастурбацией.

Кори Доктороу, «RIP!: манифест ремикса» (Gaylor, 2008)

Вы пират.

Я могу заявить это с полной уверенностью, даже не предполагая, что вы скачали данную книгу из интернета или скопировали экземпляр, взятый из библиотеки. Я не исхожу из того, что вы выкладывали музыкальные файлы для общего доступа, переписывали взятые напрокат фильмы или покупали диски с рук. Собственно, я употребляю эту неприятную характеристику, потому что в терминологии авторского права пиратом считается любой, кто нарушает законы об авторском праве. Пиратство — это воровство, а воровать противозаконно.

Как я могу заявлять подобное, не зная вас? Мои соображения таковы: если вы читаете эту книгу — вам исполнился по меньшей мере год. У вас был минимум один день рождения, и наверняка вам пели эту песню:

Happy birthday to you!
Happy birthday to you!
Happy birthday, dear (your name)!
Happy birthday to you!*

А какой-нибудь умник наверняка добавил: «Многая лета».

Эта песня защищена авторским правом, но на вечеринке ее слышат не только друзья и родственники, а это уже публичное исполнение. Ее поют без разрешения обладателя авторского права и без приобретения лицензии. Продажа роялти на Happy Birthday ежегодно приносит компании Warner-Chappell миллионы долларов — так что не оправдывайтесь тем, что якобы за нее никто не платит. По-вашему, зарабатывать на такой старой и общеизвестной песне — абсурд? Ни британское общество PRS for Music (ранее «Общество по защите прав на исполнение»), ни Американское общество композиторов, авторов и издателей (ASCAP) так не считают.

Компания PRS for Music

PRS for Music замешана во множестве абсурдных историй. Вопреки статусу неприбыльной, эта компания ориентирована на материальную

---

* «С днем рожденья тебя!» — знаменитая песня, известная еще и тем, что авторские права на ее музыку в свое время оспаривали друг у друга многие физические и юридические лица в США. *Прим. ред.*

выгоду не хуже коммерческих структур. Хотя обычно подобные организации ассоциируются в нашем сознании с бесплатным супом для бездомных и гуманитарной помощью, единственная цель PRS for Music — брать с людей плату за исполнение музыки и песен. Нередко они нанимают «разведчиков», чтобы уличать компании в нарушениях авторских прав, и потом выплачивают этим разведчикам премии за продажу лицензий. В условиях идеального вакуума внедрение системы недорогих лицензий на исполнение музыки, защищенной авторским правом, представляется возможным, но если следовать букве закона при каждом публичном или частном исполнении, весь мир окажется наводнен пиратами.

Одно дело — создавать культуру, которая поддерживает авторов музыки путем продажи лицензий. Но придирается к мельчайшим нарушениям прав на исполнение — это фактически откровенный грабёж. Рассмотрим несколько позорных примеров деятельности PRS for Music за последние годы. Так, ее сотрудники обзывают небольшие компании — от больниц до пабов — и проверяют, не звучит ли вместо гудков фоновая музыка. Если да, они требуют, чтобы компания купила лицензию на исполнение: музыку может услышать кто-то посторонний, а значит, по закону это «публичное исполнение» (Watts and Chittenden, 2009).

Поскольку PRS for Music позволяет себе обсуждать с компаниями размер платы за лицензию (как коллекторские агентства торгуются о размере перекупленного долга), данная практика скорее напоминает вымогательство, чем лицензирование. Ведь стоимость прав на вождение автомобиля или лицензии на коммерческую деятельность не подлежит обсуждению. Такого рода сделки дискредитируют и без того неприглядную бизнес-модель PRS for Music.

Еще один пример: сотрудницу продуктового магазина Сандру Берт хотели оштрафовать на тысячу фунтов стерлингов, приравняв ее пение за работой к публичному исполнению песни для покупателей. Перед этим PRS for Music требовала, чтобы магазин купил лицензию на прослушивание радио или заплатил штраф. В интервью BBC Берт сказала: «Я напевала, расставляя товары на полках, чтобы было веселее — без радио стало слишком тихо». (BBC News, 2009). Но PRS for

Music угрожала ей штрафом, который мог составить не одну тысячу фунтов.

Конечно, подобные иски имеют законную основу; именно это и позволяет компании использовать тактику запугивания. Разумеется, PRS for Music отозвала иск и отправила Сандре Берт цветы и письмо со словами «мы совершили большую ошибку», но лишь потому, что данная история привлекла внимание общественности (BBC News, 2009). Кроме того, PRS for Music наконец прекратила преследовать один из приютов для кошек и собак, от которого ранее требовала приобрести лицензию на «публичное исполнение» музыки, хотя все слушатели были четвероногими (Watts and Chittenden, 2009). Очевидно, что внимание массмедиа к подобной тактике вынудило ее ослабить нажим. Случаи подобных вымогательств уже давно не единичны, но совершенно очевидно, что PRS for Music умеряет свои аппетиты и приносит извинения только под давлением общественного мнения.

Американское общество композиторов,
авторов и издателей (ASCAP)

В 1996 году на другом берегу океана, желая нажиться на публичном исполнении песен, защищенных авторским правом, общество ASCAP положило глаз на детские летние лагеря. Представители ASCAP сообщили «Герл-скаутам Америки», что когда девочки, поджаривающие на костре маршмеллоу, поют при этом песни без соответствующей лицензии, они нарушают авторские права (Bannon, 1996). Целый ряд походных песен до сих пор защищен авторским правом и не подлежит исполнению перед «относительно широкой аудиторией, выходящей за рамки обычного круга семьи и друзей» (материалы университета Уошберн). Таким образом, пение перед друзьями и родственниками сойдет вам с рук, но на вечеринке в любимом ресторане будет расцениваться как незаконное. Общество ASCAP предъявило каждому лагерю солидный счет и потребовало — под честное скаутское, — чтобы девочки пели исключительно те песни, которые не защищены авторским правом. Хотя на бумаге этот закон существует с 1909 года, именно ASCAP требует деньги на его основании — даже от маленьких девочек.

Разумеется, история вызвала огромный резонанс в СМИ, и общество ASCAP пошло на попятную, утверждая, что не собиралось судиться с девочками. Кроме того, они пообещали вернуть деньги, уже полученные от руководства тех лагерей, которые опасались судебных исков (Ringle, 1996). ASCAP и BMI (Broadcast Music) — крупнейшим компаниям, владеющим правами на исполнение, — следовало бы упростить процедуру получения лицензий. Если той или иной радиостанции придется получать права на каждую песню, это будет занимать все рабочее время ее сотрудников. Поскольку ASCAP представляет интересы нескольких брендов, оно действует как посредник, ускоряющий процесс лицензирования. Чаще всего происходит именно так.

Похоже, благообразные экономические посредники ночью превращаются в бездумных вымогателей. Не так давно общество ASCAP внесло предложение: объявить музыкальные рингтоны мобильных телефонов нарушением авторских прав, если они звучат без лицензии на каждый отдельный звонок (Elinson, 2009). Неважно, что рингтоны и так приносят доход исполнителям, причем спрос на них постоянен и не зависит от цены. Если людям придется платить за каждый входящий звонок, очень скоро все, кто установил на свой мобильник популярный рингтон, превратятся в пиратов. К счастью, федеральный судья Дениз Коут не удовлетворила иск ASCAP, но очевидно, что он будет не последним.

Это все единичные случаи, но они иллюстрируют важную тенденцию: современная культура «абсолютного» авторского права нетерпима к малейшим нарушениям. Ее сторонники не уступят ни дюйма, даже девочкам, которые хотят петь у костра. Потому что дать в этом вопросе слабину — значит признать, что, несмотря на нарушение авторских прав, кассовые сборы от показа кинофильмов никуда не исчезли. Наука все так же активно развивается. Художники и скульпторы создают шедевры. Писатели пишут, а музыканты вкладывают душу в музыку.

Авторское право и преступники

Если признать, что в культуре малейшее несоблюдение норм преступно, то наше общество целиком состоит из преступников в сфере

авторского права. Люди порицают нарушителей, не замечая нарушений за собой: осуждают друзей за копирование дисков, а сами используют защищенную авторским правом песню как фон для корпоративного слайд-шоу. Не понимая, что действительно законно и в чем состоит добросовестное использование, люди часто заблуждаются не в свою пользу и отказываются использовать те или иные медиаматериалы из страха нарушить закон. От популярного высказывания «сомневаешься — не делай» выигрывают только «копирайт-богатые».

«Невеждам» невдомек, что каждый из нас ежедневно нарушает авторские права. Как правило, такие нарушения не приносят нам материальной выгоды и относительно безвредны. «Копирайт-богатые» утверждают, будто все нарушения наносят кому-то ущерб, и поддерживают эту иллюзию с помощью пропаганды и судебных исков. Рассмотрим еще несколько примеров.

В течение рабочей недели мы получаем и отправляем по электронной почте анекдоты, стихи или новости. Часто такие рассылки неактуальны, абсолютно неправдивы или донельзя банальны, но некоторые из них все же скрашивают вам будни. Вы, в свою очередь, пересылаете их дальше — своим друзьям или коллегам. При этом никто из участников рассылки не получает разрешения на копирование материала от владельца авторских прав. Переслать печатные материалы девяти приятелям — то же самое, что незаконно сделать девять копий. Авторское право возникает в тот момент, когда некто фиксирует данные в некоторой пригодной для выражения форме — значит, это распространяется и на электронный документ.

То же самое касается пересылки письма с забавной или интересной картинкой — неважно, это красивый пейзаж, фото звезды или демотиватор. У отправителя нет разрешения, а следовательно — и авторского права пересылать подобное сообщение. И тем не менее люди постоянно этим занимаются, не считая себя преступниками.

Однако незнание закона не освобождает от ответственности. Хотя авторское право — предмет темный, «невежды» якобы знают закон и знают, как его не нарушить.

Преподаватель читает вслух студентам — это добросовестное использование. Кто-то произносит на похоронах речь и вставляет в нее

стихотворение Сильвии Плат — это нарушение. Владелец ресторана слушает радио у себя в кабинете — это добросовестное использование. В том же ресторане радио звучит из колонок в зале — это нарушение.

Жертвы пиратства

Многие терпеть не могут пиратство, поскольку от него якобы страдают конкретные люди — художники, писатели, музыканты и изобретатели. Присваивать плоды чужого творчества — признак дурного вкуса, неоригинальности и лени. Что, у пиратов нет своих идей? Однако, если глубже вникнуть в эти стереотипные рассуждения, все окажется не так просто.

Первый, довольно распространенный стереотип состоит в том, что авторские права, торговые марки и патенты в основном принадлежат отдельным людям, а второй — что вся интеллектуальная собственность оригинальна. На самом деле авторские права уже давно приносятся корпорациям не меньше прибыли, чем частным лицам, а может, и больше. В Великобритании и США авторское право на произведение действует до конца жизни своего обладателя и еще семьдесят лет после его смерти. Для корпораций этот срок составляет девяносто пять лет. Все, что создают наемные работники (если это не выходит за рамки их должностных обязанностей), принадлежит компании. У корпораций есть деньги, ресурсы и связи, позволяющие создать условия для творчества. Авторы, чьи права защищают законы их страны, вольны творить и сами по себе. Но им — одиночкам — в отличие от медиа-корпораций редко удается организовать распространение и демонстрацию своих работ. Так что же правильнее? Когда авторы творят и пользуются личной защитой своих прав или когда они видят, что единственный способ зарабатывать на жизнь искусством — стать наемным работником с постоянной зарплатой? В последнем случае правообладателем оказывается компания, в которой работает автор. Как пишет Шива Вайдьянатхан в своей работе «Авторское право и неправо», «учреждение корпоративного авторского права [в США] в 1909 году стало настоящей “смертью автора”. С 1909 года понятие “авторство” лишилось налета мистики или романтики. Теперь это

всего лишь удобный гибкий инструмент, легко изменяемый условиями контракта» (Vaidhyanathan, 2003: 102).

И хотя копирайт на музыкальное произведение может в конечном итоге вернуться к автору, контракт со студией звукозаписи обычно подразумевает передачу прав. Даже если авторы творят независимо, например пишут книгу «для себя» или патентуют новую конструкцию портативного вентилятора, весьма вероятно, что по вопросам демонстрации, распространения и финансирования им придется обращаться к профильным компаниям. В результате авторы уступают свои права ради успеха произведения; при этом компаниям достается прибыль. В то время как мультсериал «Симпсоны» не сходит с экранов уже свыше двадцати лет, финансовые плоды такого признания пожинает вовсе не его создатель Мэтт Грейнинг, а Fox Entertainment Group — нынешний правообладатель.

Я совсем не веду к тому, что корпоративное владение авторскими правами несправедливо — по отношению к потребителю или автору. Перевес в сторону компаний по сравнению с частными лицами — это реальность, с которой должны считаться «копирайт-невежды». Только тогда они смогут составить собственное мнение о том, как цифровое пиратство сказывается на будущем медиарынка, и перестанут бездумно повторять, что любое пиратство вредит конкретному автору. Антипиратскую пропаганду финансируют, прежде всего, коммерческие организации — следовательно, ошибкой будет считать, что интеллектуальная собственность сосредоточена исключительно в руках частных лиц. Если бы пиратство вредило творческим людям и авторам-фрилансерам лично, они единогласно поддерживали бы антипиратскую пропаганду. Они митинговали бы в Вашингтоне и Лондоне, требуя ужесточения защиты авторских прав. Высказывались бы против обмена файлами и торрентов — таких как «Пиратская бухта» (The Pirate Bay), ввязываясь в бесконечные судебные процессы о нарушении копирайтов. Но от правды никуда не денешься: пиратство гораздо реже ущемляет интересы отдельных авторов, чем крупных компаний. И, что еще важнее, только в культуре корпоративного копирайта пиратство считается безоговорочно отрицательным явлением.

Когда режиссера фильма «Здравоохранение» (Sicko) Майкла Мура спросили, как он относится к незаконному распространению своего фильма, он ответил: «Я не против, чтобы люди скачивали мой фильм и делились с другими. Я не поддерживаю законы о защите авторского права». (Sciretta, 2007). Вполне резонно, что Мура волнуют только попытки заработать на его произведении.

Знаменитая писательница Джоан Роулинг благосклонно относится к фанфикам — некоммерческим произведениям о Гарри Поттере, которые пишут ее поклонники, — и даже негласно поощряет их сочинение. Так, однажды в одном из интервью Роулинг дала понять, что по ее замыслу директор Хогвартса Альбус Дамблдор — гей, и тут же пошутила: «Представляете, что начнется в фанфиках?» (Smith, 2007). Никто — и особенно авторы фанфиков — не думает, что она будет молча терпеть, если кто-то напишет продолжение романов о Гарри Поттере и начнет продавать его через Amazon. Важно другое — Роулинг не только не отвергает попытки использовать ее персонажей и волшебный мир, но даже с радостью принимает их.

И тем не менее мы не видим спецвыпусков новостей или документальных фильмов о лояльности пиратству — только его постоянное осуждение. В результате люди плохо понимают, что такое цифровое пиратство, как в частной жизни, так и в бизнесе. Категоричные убеждения «копирайт-невежд» основаны на неверной трактовке вопросов об интеллектуальной собственности. Разумеется, было бы странно, если бы средний обыватель досконально разбирался в нюансах законов об авторском праве. Опасность заключается в том, что многие упорствуют в своем естественном невежестве/заблуждениях и защищают интересы «копирайт-богатых» как свои собственные. Ничего удивительного, ведь крупные медиакорпорации и их коммерческие представители давно промыли всем мозги на тему того, как пиратство вредит простым авторам, препятствует развитию искусства и медиа, лишает работы тысячи людей. Если бы у «копирайт-бедных» было столько же денег на пропаганду, люди представляли бы себе ограниченность и тупость системы защиты авторских прав не хуже, чем потенциальную опасность введения патентов на продукты питания.

В результате сегодняшней антипиратской пропаганды «копирайт-невежды», как правило, презирают пиратов и пиратство в целом. Однако подобный пафос отнюдь не гарантирует отсутствия пассивных повседневных нарушений в их собственной жизни. «Невежды» не проводят параллели между распространенными некоммерческими нарушениями и деятельностью так называемых пиратов. В отличие от них, крупные медиакорпорации рассматривают все формы нарушений авторских прав как одинаково преступные и аморальные.

«Копирайт-богатые»

Это лазейка шириной в несколько грузовиков. Именно сквозь нее на общество обрушивается настоящая лавина нарушений, которая изо дня в день угрожает нашим законам.

Джек Валенти, свидетельские показания в Конгрессе по делу освобождения интернет-провайдеров от обвинений в нарушениях авторского права (Комиссия конгресса по судебным вопросам, Конгресс США, 1996)

«Копирайт-богатые» — обладатели прав на ликвидную интеллектуальную собственность — во многом схожи с богатыми в общепринятом смысле. Вопросы добра и зла, созидания и разрушения для них на втором плане. Прежде всего, их волнует один вопрос — как заработать больше денег с минимальными потерями. Можно сказать, с появлением цифровых технологий «копирайт-богатые» стремятся скорее не победить, а избежать поражения.

Новости и интервью пестрят заявлениями, что крупные медиакорпорации всегда открыты для инноваций. Но на самом деле правообладатели хотят, чтобы все оставалось как есть — именно это «как есть» приносит им доход. Экономически их желание вполне обоснованно; оно не делает их плохими или нечестными. Логично придерживаться модели, которая приносит деньги, избегая при этом всех остальных. Поэтому «копирайт-богатые» цепляются за старые бизнес-модели. А поскольку новаторство — это переход от работающей модели к той,

которая в перспективе может стать эффективной, медиагиганты (и их акционеры) опасаются такого развития событий.

В своей книге «Хакеры и художники» программист Пол Грэхем описывает вариант использования подобной модели для разработки программного обеспечения. Он называет веб-приложения «...идеальным источником дохода. Вместо того чтобы каждый квартал начинать с чистого листа, вы получаете неиссякаемый поток прибыли... Никаких проблем с должниками; тем, кто не платит, всегда можно отключить услугу. И никакой возможности для пиратства» (Graham, 2004: 73).

А когда-то он утверждал, что «хостинг приложений — весьма хлопотное занятие, требующее немалых вложений. Никто не захочет заниматься им бесплатно» (Graham, 2004: 73). Эти слова были написаны в 2004 году, а уже в 2011-м мы наблюдаем подъем и расцвет бесплатных офисных онлайн-приложений: Google Documents, Evernote и Zoho. Разумеется, все эти компании зарабатывают на рекламе или продаже премиум-пакетов. И хотя Грэхем ошибался насчет бесплатных программ, он точно предсказал развитие рынка программного обеспечения. Если популярные производители программного обеспечения не откажутся от практики усиленной защиты клиентских приложений, их легко обойдут более гибкие конкуренты. В здравоохранении и банковской системе финансовое программное обеспечение и онлайн-базы постепенно вытесняют локальные банки данных. Однако множество представителей бизнеса продолжает осуждать пиратство, отказываясь при этом от новых моделей. Хотя популярные программы часто продаются в электронном виде, для многих известных производителей программного обеспечения это предел дальновидности и передового мышления.

Грэхем пишет, что в некоторой степени пиратство даже полезно производителям программного обеспечения. «Допустим, некий пользователь не купит ваш продукт ни за какую цену. Следовательно, вы ничего не потеряете, если он прибежит к пиратской копии. По сути, вы только выигрываете, когда еще один пользователь принимает участие в распространении ваших программ, — быть может, он купит лицензионную версию, когда окончит школу» (Graham, 2004: 73).

Пираты или клиенты?

Даже в далекие девяностые эту связь хорошо понимали такие значительные фигуры, как Билл Гейтс. Выступая в Университете Вашингтона, он не стал осуждать распространение нелегальных Windows в Азии. Наоборот, он заявил, что эти пираты — тоже пользователи Windows, пусть и своеобразные: «Раз уж они намерены красть, пусть крадут у нас. Постепенно они привыкнут к нашему продукту, а потом мы придумаем, как получить с них какие-то деньги в ближайшие десять лет» (Grice and Junnarkar, 1998).

Сегодня возможности перемен сильны, как никогда. Вездесущий интернет породил множество успешных моделей «от бесплатной к премиум-версии» — например DropBox и Evernote. Тысячи частных компаний получают стабильный доход от веб-приложений. Даже пиратство на офлайн-рынке в конечном итоге часто только играет им на руку. Тогда почему же софтверные компании продолжают стенать и требуют ужесточения технических средств защиты авторских прав ТСЗАП (Digital rights management), объявляя своих клиентов преступниками?

К сожалению, развитие технологий — это тот самый слон, которого не замечают софтверные компании, противясь изменениям. В отличие от упомянутого слона, у них короткая память, ведь когда они в прошлый раз наконец внедрились очередное новшество, оно принесло им доход. Но спустя некоторое время производители программного обеспечения снова кричат о колоссальных потерях и страданиях, употребляя все свое красноречие и рисуя ужасные картины.

Использование риторических приемов

Языку эмоций трудно не поддаваться. В конце концов, ничто человеческое потребителям не чуждо. Неважно, где они выросли и учились, но если достучаться до их сердец, затронуть сокровенные страхи и предрассудки, то станут лишними любые факты, данные, ссылки на источники и даже достоверность. Это прекрасно знают лоббисты в парламенте, но еще лучше — пресс-секретари крупных медиакомпаний.

Представим, что эти эмоциональные средства аргументации обратятся *против* жесткой защиты авторского права, особенно против

«золотого тельца» медиагигантов — так называемого мегапроигрывателя. Идея проста: установить в каждом доме автомат, принимающий любую аудиовизуальную информацию. Платить нужно за каждый сеанс; все произведения остаются в собственности правообладателей. Такая схема вытеснит прокат, пиратство, перепродажу и даже библиотеки. Конечно, у нее масса недостатков. Например, она нанесет сокрушительный удар по культуре ремиксов. Поскольку исчезнет эффект владения средствами мультимедиа на физических носителях, многие потребители утратят интерес к покупке музыки и видео. Подобный сервис будет ориентирован на богатые страны. Соответственно, бедным государствам достижения мировой культуры станут менее доступны.

А что если задействовать только ораторские приемы, не приводя никаких фактов? Если сравнить посеансовую оплату с обычным приобретением, проиллюстрировав это такими словами: «Представьте, что Одиссей, привязанный к мачте, будет слышать пение сирен, только если не забудет заплатить за каждый сеанс»? Наверняка это вызовет инстинктивное эмоциональное отторжение. А еще можно напугать тех, кто беспокоится о защите личных данных: «Если вся информация будет проходить через один канал, именно через него хакеры добудут сведения о ваших кредитных карточках, банковских счетах и узнают все ваши пароли и пин-коды, не угрожая никому пистолетом». Библиотека превратится в «собрание пыльных старых книг, на которые авторское право не действует по сроку давности, неактуальных для исследований или обучения», а онлайн-магазины станут «последним бастионом в битве против всепоглощающих монополий».

Фразы звучат убедительно, но они не содержат фактов — только эмоции. Хотя «мегапроигрыватель» действительно приведет к дефициту мультимедиа и упростит управление информацией, он не разорит пользователей и не опустошит их банковские счета. Увы, именно таким языком представители медиагигантов превращают деловой разговор в обсуждение общечеловеческих ценностей.

Возьмем отрывок из стенограммы заседания Верховного суда США, на котором рассматривалась апелляция Лоуренса Лессига против решения Конгресса о продлении срока действия копирайта —

решения, от которого очевидно выигрывали не авторы, а правообладатели.

«Председатель суда: Вы добиваетесь права на дословное копирование чужих книг?»

Лессиг: Мы добиваемся права на дословное копирование произведений, которые должны быть всеобщим достоянием и которые были бы общедоступны, если бы не Статут, даже при беглом рассмотрении противоречащий Первой поправке к Конституции и ограничениям, предусмотренным в Статье об авторском праве (Lessig, 2004: 240)».

Налицо хитроумная и умелая игра словами. Также очевидно, что ложная двойственность аргументов апеллирует к эмоциям, а не к разуму. По мнению верховного судьи, отказ законодательно продлевать и без того чрезмерные сроки действия авторского права равноценен желанию Лессига и его сторонников бесплатно копировать чужие книги. Судья использует все тот же избитый аргумент: увеличение срока действия авторского права защитит авторов и ограничит пиратство.

Такой безграмотной и пафосной ахинее, как заявление верховного судьи, обычно чужда всякая логика. Предложите вывести британские и американские войска из Ирака, и сразу услышите: «Вы хотите, чтобы нас всех захватили террористы?» Скажите, что дорожная полиция останавливает нарушителей ради дохода, поступающего в казну государства, и получите незамедлительный ответ: «Вы хотите, чтобы пьяные водители безнаказанно давили пешеходов?» Укажите на ущербную логику антипиратских кампаний, и столкнетесь с аргументом: «По-вашему, нужно все раздавать бесплатно?»

Трудно возражать столь категоричным заявлениям. Ораторские приемы по своей сути направлены против фактов и здравого смысла. Конечно, мои примеры — полная бессмыслица, но их объединяет одно: все боятся перемен. Хотя Лессиг стремится сохранить текущее положение дел (срок действия авторского права), он все же ратует за перемены (лишить Конгресс полномочий по продлению сроков).

Мы все выиграем, если в общественном сознании произойдет сдвиг в отношении восприятия законов об авторском праве и цифровом пиратстве. Если люди перестанут безоговорочно осуждать пиратство и все, что коммерческие организации вкладывают в этот

уничжительный ярлык. Если они перестанут слепо верить каждому слову политиков и медиамагнатов о предназначении авторского права. Как только люди усомнятся в честности коммерсантов так же искренне, как они клеймят цифровых пиратов, у них спадет с глаз пелена, и они смогут внять голосу разума. Конгресс так же заботится о простых авторах и творчестве, когда продлевает срок действия копирайтов, как и пират, наносящий вред авторам тем, что создает попури, распространяет информацию и обходит защиту от копирования. Любая группа реагирует на поощрения — экономические и прочие, — и неудивительно, что эти поощрения внимательно изучаются.

Джек Валенти

Никто не настраивал Конгресс США, Голливуд и американский народ против пиратов так красноречиво и вдохновенно, как Джек Валенти, бывший президент Американской ассоциации кинокомпаний (МРАА). Лоббист в Конгрессе, Валенти был живым воплощением пламенного оратора — благодаря таким, как он, фильм «Мистер Смит едет в Вашингтон» стал классикой. Не скупясь на цветистые метафоры, он добился того, что пиратство стало почти нецензурным ругательством. Каждое выступление Валенти по стилю напоминало передовицу бульварной газеты. Порой он рисовал столь мрачные и зловещие картины, настаивая на якобы единственном возможном решении, что конгрессмены уступали его напору. На следующем заседании, когда пугающие прогнозы не сбывались, он не отказывался от своих слов, а без тени смущения живописал новые ужасы, добиваясь всеобщей поддержки.

В 1982 году, выступая перед Палатой представителей, Валенти заявил: «Уверяю вас, видеомагнитофон для американского продюсера и американской публики — это то же самое, что душитель из Бостона для одиноких женщин» (Corliss, 2007). Яркие образы будоражат фантазию и умело играют на человеческих страхах. Валенти не планировал запретить ни видеомагнитофоны, ни интернет — он просто хотел выжать из ситуации максимум денег. Например, он предложил учредить налог на видеомагнитофоны и чистые кассеты, а собираемые средства перечислять Американской ассоциации кинокомпаний под предлогом того, что все видеомагнитофоны будут использоваться для

просмотра «пиратских» записей. Тем не менее продажа фильмов на видеокассетах оказалась более прибыльной, чем показ в кинотеатрах. Сам Валенти тогда сказал: «Настоящую прибыль приносит... вторичный рынок» (Rojas, 2004). Двадцатью двумя годами раньше он уверял Конгресс, что видеомагнитофоны — это «колоссальная отливная волна» (Судебная комиссия Палаты представителей, 1982).

Очередное его обращение гласило: «[Это] гигантский паразит на рынке, который кормится с местных телеканалов и владельцев авторских прав. Мы недовольны таким положением вещей и считаем его несправедливым» (Corliss, 2007). Примерно в таком же стиле Валенти раньше высказывался о распространителях пиратской продукции, но на этот раз он говорит о кабельном телевидении — отрасли, которая принесла Голливуду миллиарды долларов, как только он принял новую технологию и перестал ее бояться.

Еще позже Валенти назвал интернет и обмен файлами «тайной магией», как будто для столь умного и проницательного человека подобные явления непостижимы (Комиссия Палаты представителей по обращению в собственность, 2002). Жертва этой магии и колдовства становится аутсайдером в американском обществе, воспитанном на старых идеалах, ценностях и установке «в наше время было проще».

Тарлтон Гиллеспи, хорошо знакомый с напыщенной аргументацией Валенти, пишет в своей книге «Кабельный намордник» (Wired Shut): «Подобные риторические приемы подменяют разумную полемику запугиванием и вместо осмысления вызывают рефлекторные реакции» (Gillespie, 2007: 125). И в самом деле, во время дебатов с основателем Creative Commons Лоуренсом Лессигом Валенти даже не пытался скрывать своих шоуменских замашек. Не слушая аргументы Лессига, он заявил: «Думаю, если бы Ларри следовал своим убеждениям, он попросил бы своего издателя раздавать [книги] бесплатно» («Дебаты о творчестве, коммерции и культуре», 2001).

Разумеется, Валенти был не единственным, кто злоупотреблял гиперболами. В канадском документальном фильме «О пиратстве» есть любопытное интервью с главой Канадской ассоциации звукозаписывающих компаний (CRIA) Грэмом Хендерсоном, где хорошо видно, как он жонглирует эмоциональными приемами, рассуждая о сложной

природе цифровой информации (McArdle, 2007). По словам Хендерсона, использовать сэмплы — это все равно что пойти в магазин и украсть свитер, потом украсть второй в следующем магазине и наконец купить третий в совсем другом месте. Безусловно, в случае кражи у магазина становится одним свитером меньше. Магазин теряет его закупочную стоимость, стоимость хранения, установления цены, перевозки и рекламы. Если вы скачиваете песню с сайта, никто ничего не теряет. Это факт, который трудно опровергнуть, несмотря на все надуманные аналогии с реальным миром.

Далее Хендерсон уверяет, что в падении объема продаж аудиодисков виноваты исключительно пираты. При этом он опирается лишь на результаты опроса: подавляющее большинство канадцев назвали обмен файлами причиной того, что они стали покупать меньше музыкальных дисков. Вместо эмпирических данных Хендерсон призывает на помощь пафос и идеализм. Опрос случайных прохожих неточен и не может установить подлинную причину, как признают другие представители отрасли. В интервью для документального фильма «Би-би-си» «Атака киберпиратов» Джон Кеннеди, занимавший в то время пост президента «Юниверсал Мьюзик Интернешнл», в ответ на предположение, что благодаря сэмплингованию люди меньше покупают музыкальные записи, сказал: «Да, опросы это подтверждают, но я им не верю» (Monblat, 2002).

В действительности у Валенти в распоряжении была масса цифровых отчасти данные исследований, которые финансировала Американская ассоциация кинокомпаний или другие коммерческие организации, отчасти — данные, взятые с потолка. Например, он утверждал, что рейтинг NC-17 (для лиц старше восемнадцати лет) — «шлем ужаса» кинопродюсеров — не менее охотно присваивают боевикам, чем фильмам с эротическими сценами: «На самом деле в современных фильмах меньше насилия, чем было когда-то». Но когда его спросили: «На основании чего вы сделали такой вывод?», Валенти ответил: «Это мои наблюдения. А как еще делать выводы?» (Bernstein, 2006).

Приводить данные, вырванные из контекста, — только делать хуже. При этом неизбежно возникает вопрос — есть ли между фактами хоть какая-то корреляция или причинно-следственная связь? Медиамагнатов мало волнует это различие, и они делают пиратство

козлом отпущения всего лишь из-за сомнительной взаимосвязи. Их не интересует доказательство причин. Увы, до тех пор, пока лоббисты медиагигантов и торговых организаций прибегают к эмоциям, красивым словам и гиперболам, «копирайт-невежды» наверняка будут разделять их точку зрения. В конце концов, другой они не слышали.

«Копирайт-бедные»

Мы так завалены информацией, что практически вынуждены впитывать ее и преобразовывать в художественную форму... Если бы на улицах каждый день бесплатно раздавали краски, не сомневаюсь, что художников было бы гораздо больше.

Диджей Girl Talk, «Хорошая копия, плохая копия».

Наверное, все согласятся, что пиратство — следствие потребности. Конечно, творчество — это не базовая потребность. Для выживания нам не нужны искусство, музыка или поэзия. Тем не менее пиратство — это системное явление, затрагивающее все сферы жизни общества, все социальные и экономические слои. Быть может, людям не стоит пассивно слушать аргументы о лишениях авторов, но пора задуматься — в самом ли деле пиратство появилось вследствие авторского права, или же авторское право сделало пиратами людей, которые — независимо от законов — неизбежно будут использовать доступную информацию. Как правило, пиратство свидетельствует о нехватке, даже если оно связано с созданием чего-то радикально нового или с проектами, которые в конечном итоге многим принесут пользу. Почему же тогда люди без крайней нужды рискуют быть привлеченными к гражданской, а то и к уголовной ответственности?

Рассмотрим риски. Помимо неприятностей с законом из-за нарушений авторского права, пираты часто подвергаются общественному порицанию за аморальность. Подобное отношение — продиктованное отнюдь не разумом — слабо связано с экономикой. Ведь люди не осуждают дорогостоящие товары; причины неприятия кроются гораздо глубже и напрямую не связаны с ценой.

Для сравнения рассмотрим другие незаконные действия, по отношению к которым со временем сформировалась (или была навязана) отрицательная морально-этическая оценка. Если проанализировать, почему мы осуждаем что-либо или воздерживаемся от осуждения, то мы поймем механизм действия законов об авторском праве. Возьмем, например, переход улицы в неполюженном месте. Это противозаконно. Если полицейский заметит нарушителя, он может остановить его и выписать штраф. Но в нашем сознании переход в неполюженном месте не считается аморальным или неэтичным. Если мы увидим нарушителя, то не подумаем плохо о его человеческих качествах. Более того, социального стереотипа, связанного с нарушениями правил перехода проезжей части, не существует. Мы не будем считать нарушителя грубияном или преступником. И тем не менее всем известно, что он совершает противозаконное деяние.

То же касается и превышения скорости. Никакого морализаторства, скорее наоборот — водители охотно посочувствуют парню, который попался на превышении. Мало кто отнесется к нему с предубеждением или скажет, что водитель заслуживает любого наказания, которое полицейский сочтет нужным. Мы сочувствуем тем, кого остановили за превышение скорости, потому что и нам случалось разогнаться сверх дозволенного. За это полагается штраф, правда, он зависит от тяжести нарушения. Иногда водителя даже могут арестовать, если выяснится, что он пил спиртное или принимал наркотики, если превышение будет слишком значительным или если он оказывал сопротивление полицейскому.

Но каковы же социальные последствия этих якобы аналогичных преступлений? Сколько людей погибает ежегодно из-за перехода в неполюженном месте? Читая об очередной аварии с летальным исходом, вы ужаснетесь трагедии и зададитесь вопросом, привлекут ли водителя к уголовной ответственности; быть может, вы выскажетесь об опасности перехода вне «зебры», но не назовете «преступника» аморальным. Из-за превышения скорости погибает множество людей — сорок тысяч в год только в США. И тем не менее никто не считает любителей быстрой езды неполюженными.

Моральные ориентиры пиратства

Вернемся к пиратству. Как видите, мы осуждаем лишь определенные преступления — неважно, с точки зрения общественного порядка или денежного штрафа. То же самое касается и цифрового пиратства. Вполне допустимо бесплатно дать другу компакт-диск. Допустимо скопировать записи с диска и загрузить на iPod. Но недопустимо скачивать музыку, за которую вы не платили. А что если скачать через пиринговую файлообменную сеть песни, которые у вас уже есть на диске, и переписать их на iPod? Технически это является аналогом предыдущего законного способа, но с точки зрения морали такой поступок неприемлем. Быть может, именно поэтому представители музыкальной индустрии выиграли в суде не одно дело против компаний, предлагающих такие услуги. Так, при рассмотрении дела «UMG Recordings против MP3.com» выяснилось, что компания позволяла пользователям загружать записи с дисков и слушать их через сайт. Несмотря на отсутствие убедительных доказательств ущерба, судья постановил выплатить UMG Recordings 53,4 млн долларов. Причем доходы сайта mp3.com за данные услуги и близко не соответствовали этой сумме (Samuelson and Wheatland, 2009: 13).

Когда клиент берет диск в медиатеке и переписывает его на компьютер, а затем на iPod, процесс ничем не отличается от скачивания музыки с пирингового сайта. Тот, кто выложил их на сайт, точно так же купил диски, как и медиатека. Но клиенты медиатек и те, кто скачивает музыку с сайтов, ничего не платили. Возможно, анонимное переписывание дисков кажется безобидным на фоне деятельности файлообменных сайтов. Никто не заваливает возмущенными письмами клиентов медиатек. Пользование медиатекой ненаказуемо, и потому нарушения копирайта их клиентами не привлекают ничьего внимания.

Теперь применим эту логику к скачиванию пиратских фильмов, которое принято безоговорочно осуждать. По закону об авторском праве можно бесплатно пригласить друзей посмотреть фильм — суд считает это «частным просмотром». Приобретать права необходимо лишь на публичный показ. К примеру, под эту категорию в точности подпадает демонстрация фильма в заброшенном кинотеатре под открытым

небом — независимо от числа зрителей. Но если вы пригласили на фильм восьмерых друзей — чем это отличается от ситуации, когда те же самые друзья скачают и посмотрят пиратскую копию? Технически и экономически происходит одно и то же: фильм посмотрели девять человек, а заплатил только один. И все же, что почувствовали бы те же самые люди, узнав, что их друзья скачивают пиратские версии и тем самым разрушают фундамент киноиндустрии?

Еще один наглядный пример — видеоигры. Магазины по-прежнему имеют право выдавать их напрокат, хотя это неизбежно приводит к снижению продаж. Кроме того, клиенты имеют право делиться дисками с друзьями, которые ничего не платят. Но если те же самые друзья скачают игры из интернета, а не одолжат у вас, вероятно, они совершат неблаговидный и аморальный поступок. Из-за них производители видеоигр лишатся работы, и скоро никто не будет выпускать новые игры, по крайней мере если верить пропаганде.

Как бы изменились стереотипы, если бы производителям игр удалось уничтожить вторичный рынок? Они давно уже скрежещут зубами, потому что клиенты могут покупать игры б/у, изначально стоившие шестьдесят долларов, вдвое дешевле. Именно по этой причине в игровой индустрии возникли ТСЗАП. Под видом борьбы с пиратством производители игр даже приняли решение, согласно которому владелец может установить приобретенную им игру только ограниченное количество раз, хотя это противоречит доктрине первой продажи. ТСЗАП серьезно повлияли на рынок компьютерных игр и угрожают охватить рынок консольных игр. Если по закону перепродажа игр станет нарушением авторского права, торговые организации приложат все усилия, чтобы в общественном сознании подобное действие считалось аморальным. Постепенно люди начнут воспринимать перепродажу как преступление.

Как и в случае с аналогичными примерами, разница состоит в том, какие именно поступки массмедиа велит осуждать, независимо от их соответствия закону. Никто не «промывает мозги» против перехода улицы в неполюженном месте или против превышения скорости. И при этом люди открыто презирают пьяных за рулем; их считают самыми безответственными, самыми ужасными водителями. Их нужно

сажать в тюрьму, лишать прав и беспощадно штрафовать за то, какой ущерб они могли нанести. Но, в конце концов, такое отношение нам навязали. Точно так же, никто не трубит о том, как аморально делать пиратские копии пакета программ AutoDesk, который стоит 2000 долларов (1220 фунтов стерлингов). Следовательно, этот поступок мало кто осуждает. Зато парень, торгующий DVD на уличном развале, аморален и занимается нелегальной деятельностью — это именно из-за него люди теряют работу и цены взлетают до небес, не правда ли?

Итак, зачем люди рискуют, делая пиратские копии материалов, в которых по-настоящему не нуждаются? Пираты «балансируют на краю», ловко обходя и игнорируя двойственность морали и законов. Они вникают в истинную суть агитации и промывания мозгов, и таким образом, более трезво оценивают морально-этические и законодательные последствия цифрового пиратства. Западная мораль в этом отношении очень гибка и податлива, как закон, в котором понятия наказуемого и ненаказуемого постоянно меняются. С помощью таких законов невозможно различить добро и зло, поскольку преступления против авторского права всегда относительны. Ограбление и насилие — преступления, которые квалифицируются по факту содеянного, игнорируя понятие потенциального ущерба, — и потому о них гораздо легче судить.

Законы об интеллектуальной собственности (ИС)

Еще один источник путаницы для «копирайт-бедных» заключается в том, что незнание законов об интеллектуальной собственности на самом деле выгодно. Ни для кого не секрет — индустрия процветает благодаря всеобщему неведению, но есть и те, кто поступает так намеренно, зная законы и идя против них. «Некоторые очевидные злоумышленники (например изготовители подделок) отделались минимальным возмещением ущерба», — пишут Сэмюэльсон и Уитленд (2009: 12), а других обычных нарушителей, в том числе и возможных добросовестных пользователей, привлекли к ответственности за умышленные нарушения и вынудили заплатить максимальные штрафы, хотя по здравому размышлению они нанесли мизерный ущерб, и минимальный штраф в данном случае был бы адекватнее.

Отсюда возникают сразу два следствия. Во-первых, когда нарушение авторского права (умышленное или нет) приравнивается к изготовлению подделок, стираются границы между штрафами за оба преступления. Если изначально суд считает подделку более тяжким преступлением, чем нарушение авторских прав, верхний предел штрафа за подделку повышается. Когда по суду умышленное нарушение авторских прав расценивается как изготовление подделок, размер штрафа тоже будет совпадать, и так далее.

Во-вторых, получается, что фактический ущерб для представителей индустрии не имеет значения. Если суд одинаково относится к тем, кто — осознанно или нет — распространял музыку через пиринговый сайт, и тем, кто продает пиратские диски на улице, никто не поверит, что приговор зависит от *фактического* размера ущерба. Если торговля пиратскими дисками может вызвать падение объема продаж, то ничто явно не указывает на причинно-следственную связь между скачиванием файлов через пиринговые сети и снижением уровня продаж дисков. Другими словами, странно думать, что продажа пиратского диска так же угрожает прибыли индустрии, как скачивание дюжины песен через пиринговый сайт.

Еще одна разновидность пиратов, о которой не вспоминают в ходе пропаганды и при рассмотрении судебных исков, — это люди, которые рискуют быть привлеченными к ответственности за нарушение авторского права ради собственного творчества. Такие «творческие пираты» гораздо ближе к художникам и изобретателям, которых якобы защищает закон об авторском праве, чем большинство современных правообладателей. Это малоизвестные независимые авторы — те самые, кого антипиратская пропаганда объявляет главными жертвами пиратства.

В бесплатном документальном фильме «Хорошая копия, плохая копия» рассматриваются два примера такой творческой деятельности: пират-диджей Girl Talk и бразильское ремикс-направление «техно-брега» (Johnsen и другие, 2007). Girl Talk вплетает знакомые мелодии в свое энергичное техно. Но, как он сам говорит в фильме, «по радио постоянно звучат песни, в которых целые отрывки напоминают музыку Black Sabbath — гораздо больше, чем мои нарезки из Bachman-Turner

Overdrive — музыку Bachman-Turner Overdrive». Авторы фильма посетили компанию Bridgeport Music, владеющую авторскими правами на песню Get Off Your Ass and Jam («Подними свою задницу и зажигай») и на массу других песен в стиле рэп и выигравшую знаковый процесс «Bridgeport против Dimension Films». В свое время ее представители заявили: «...если делаешь сэмпл, покупай лицензию» (Lemire, 2007). Дженет Петерер из Bridgeport Music мало волнует как общественное мнение, так и мнение «пострадавшего» автора (Джорджа Клинтона) об исходе дела. Ее реакция понятна многим, чей бизнес связан с авторским правом, но сама она не автор и ничего не создает.

Диджей Girl Talk знает, как получить лицензию на сэмпл. Но в его миксах используются крошечные фрагменты из такого количества песен, что лицензии для одной записи обойдутся в миллионы долларов. В своем интервью для фильма «Хорошая копия, плохая копия» он говорит, что даже если бы мог приобрести права на такое количество сэмплов, на это ушли бы долгие годы. Что толку в запоздалом дебюте? К тому моменту, когда диджей Girl Talk получил бы все лицензии, его ремикс давно стал бы неактуальным. Предполагается, что такие организации, как ASCAP, должны упрощать процесс лицензирования. Однако с точки зрения стоимости и сложности процедуры в нынешних условиях на рынке авторского права у Girl Talk нет шансов заниматься творчеством.

В Бразилии на рынках по дешевке торгуют пиратскими дисками с записями ремиксов мировых и местных поп-музыкантов, в результате чего возникло уникальное сочетание техно и модных ритмов, получившее название «технобрега». Хотя эти диски приносят прибыль только продавцам, они используются для продвижения масштабных уличных мероприятий, которые, в свою очередь, уже приносят прибыль диджеям, местным артистам и даже производителям акустических систем.

Авторы «технобрега» пользуются теми же пиринговыми файлообменными сетями, популярными во всем мире — и в студенческих кампусах, и среди интернет-пользователей, имеющих домашние компьютеры. Отличие состоит лишь в том, что ремиксеры преобразуют скачиваемое, создавая новый конечный продукт. Другими словами,

из фильма ясно, что нет разницы, скачает бразилец песню Crazy дуэта Gnarlz Barkley в интернете или же перепишет ее с диска. Итог в любом случае один: рев супермощных колонок на вечеринке в стиле «техно-брега». Разница только в том, что ремиксер добавил, отнял и вставил. Композиция кажется знакомой, но на самом деле — это новый продукт, примерно так же, как коллекция высокой моды прошлых лет, покинувшая подиум, в новом сезоне становится эксклюзивной в магазинах K-Mart.

Я вовсе не хочу сказать, что авторы-пираты не стремятся заработать. Girl Talk берет деньги за свою работу в качестве диджея — сумма равна стоимости входа на вечеринку «технобрега». Авторы считают, что продают совершенно отдельный продукт, требующий не меньше творческих усилий, чем защищенные авторскими правами оригиналы, из которых они берут сэмплы. И все же ремиксы чаще всего пишут не ради заработка, и потому утверждать, что культура ремиксов ориентирована исключительно на прибыль, будет ошибкой.

Аналогично этому, моддингом (модификацией) видеоигр почти всегда занимаются «из любви к искусству». Моддеры часами корпят над кодом, внося крошечные изменения в уже существующие игры и открывая в них новые грани для того, чтобы потом бесплатно поделиться всем этим с другими геймерами.

Моддеры идут на риск и обходят закон ради одной цели — создавать, а нередко и улучшать продукцию, защищенную авторским правом. Справедливости ради отмечу, что моддеры гораздо реже подвергаются судебным преследованиям, возможно потому, что, распространяя свои продукты, они увеличивают объем продаж игр.

Еще один пример — авторы фанфиков, которые пишут самостоятельные произведения по мотивам книг, защищенных авторским правом, с участием их персонажей. Фан-литература — вполне оригинальный жанр — дань произведениям, имеющим сложившийся круг поклонников. Фанфики, основанные на чьей-то сюжетной линии, чьем-то эпизоде или посвященные чьему-то конкретному персонажу, обеспечивают любителям или малоизвестным авторам внимательную заинтересованную аудиторию. Законна ли эта деятельность? Разумеется, нет. Но поскольку она в подавляющем большинстве

случаев не является коммерческой, многие авторы и издатели закрывают на нее глаза.

Опасности пиратства

В жизни любого пирата есть свои подводные рифы. Нарушителей отключают от интернета провайдеры, на них подают в суд. Их могут в назидание другим даже оштрафовать или посадить в тюрьму. Пусть общество и осуждает пиратов, но у них есть свои выгоды. Вопреки στενаниям критиков о том, что цифровые технологии губят творчество, пираты считают, что любая творческая затея реализуема — нужно только выбрать подходящий момент. Для пиратов открыты все сферы: музыка, кино, книгоиздание, хакерство, лингвистика, архитектура, графика, живопись и фотография. Они не задаются вопросом, хватит ли у них денег или даже желания для тщательного изучения новой профессии, а просто экспериментируют вдоволь, используя лучшее из того, что существует в соответствующей области.

Есть категория людей, которых вряд ли считали бы пиратами в обществе, менее озабоченном навешиванием ярлыков, чем нынешнее. Писатель Пол Крейг так отзывается о некоторых взломщиках игр: «Успешные взломщики по характеру близки к аутистам. “Крэкер” должен мыслить нелогично, почти парадоксально. Сам процесс настолько сложен, что даже самый опытный программист может не уловить основные принципы. Взломщиком нужно родиться; научиться такому стилю мышления невозможно» (Craig, 2005: 62). Именно это труднее всего понять современному обществу — склонность к пиратству бывает врожденной. Она никак не зависит от внешних обстоятельств или личного выбора. А еще печальнее тот факт, что в пиратстве некоторые реализуют свой потенциал — и без этой деятельности мозг зачахнет и талант останется нераскрытым.

В конце концов, есть ли альтернатива пиратству? Традиционное потребление средств информации мало способствует развитию и представляет собой пассивную деятельность. Большинство пользователей довольствуются «вирусными» роликами, электронной почтой и социальными сетями — все это ни в коей мере не сопоставимо с тем объемом информации, который доступен даже начинающему пирату.

Пираты могут изучать языки, фотографию, нелинейное редактирование видеоизображений, принципы сочинения ремиксов, графический дизайн. Они могут учиться делать игры и писать книги. Они не просиживают штаны с банкой Red Bull в родительском доме, играя в видеоигры или тайком смотря порнографию. Факт остается фактом: жизнь пиратов — каких бы принципов они ни придерживались — гораздо насыщеннее благодаря возможности доступа к любой информации.

Ключевые мысли:

1. Авторское право нарушают все. Бестолковые и тяжеловесные законы об интеллектуальной собственности, всегда защищающие правообладателей, создает общество нарушителей копирайта. Даже те, кто посягает на авторское право по неведению, часто поддерживают правообладателей.
2. Правообладатели и торговые организации — партнеры балансируют между стремлением к максимальной прибыли и желанием сохранить положительный имидж в обществе. Основное их средство — представлять себя жертвами пиратов.
3. Пиратство — вопрос юриспруденции, а не этики и морали. Пираты пользуются всеми возможностями цифровых материалов независимо от существующих юридических рычагов.
4. Цифровое пиратство одновременно созидательно и деструктивно. Разница зависит от законов и от способа использования медиаматериалов, но не является данностью.